

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РОССИИ: ОФОРМЛЕНИЕ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ ЧУВАШКИМ СУФФИКСОМ *-(к)ка/- (к)ке*

В составе заимствованных в чувашский язык русских личных имен отмечается суффикс *-(к)ка*. В чувашском языке, как и во всех языках сингармонического строя, большинство суффиксов двухвариантны. В нашем случае это *-(к)ка* – твердый вариант с гласным непяреднего ряда и *-(к)ке* – мягкий вариант с гласным переднего ряда. Вместе рассматриваем и примеры с суффиксом *-(к)ки*, образованным от первых суффиксов при помощи притяжательного суффикса *-и*. Нами зафиксировано 196 производных антропонимов с данным суффиксом. Они созданы по трем словообразовательным типам: 1) основа полного имени + *-(к)ка/- (к)ке/- (к)ки*; 2) основа сокращенного имени + *-(к)ка/- (к)ке/- (к)ки*; 3) основа оценочного имени + *-(к)ка/- (к)ке/- (к)ки*. Есть мужские и женские варианты производных. Чаще всего данный суффикс присоединяется к усеченной русской производящей основе полного имени, состоящей из первых двух слогов: *Ал(ександр) – Елка* [Ашмарин 1929: III, 12], *Дан(ишл) – Таькки* [Ашмарин 1936: XIII, 185], *Тим(офей) – Тимкка* [Ашмарин 1937: XIV, 81], *Вас(илий) – Васка* [Ашмарин 1930: V, 181], *Фом(а) – Хумкка* [Ашмарин 1950: XVII, 158], *Ир(ина) – Аркка* [Ашмарин 1929: II, 3], *Дар(ия) – Таркка* [Ашмарин 1936: XIII, 223]. Присоединяется ко всей исходной русской основе только мужских личных имен на твердый согласный: *Иван – Иванкка* [Ашмарин 1929: III, 88], *Михаил – Михалкка* [Ашмарин 1935: VIII, 252]. Для мужских личных имен на *-й* продуктивно присоединение чувашского суффикса к производящей основе без конечного *-ай*: *Николай – Микулкка* [Ашмарин 1935: VIII, 237], без конечного *-ей*: *Елисей – Йелиска* [Ашмарин 1929: IV, 268], без конечного *-ий*: *Арсений – Арсинкка* [Ашмарин 1929: II, 72].

При рассмотрении примеров с данным суффиксом перед нами встал вопрос: это заимствование русского аллонима с суффиксом *-к-* или же присоединение чувашского суффикса к русской основе? Ведь чувашский суффикс *-(к)ка* представлен в большом количестве в чувашском дохристианском ономастиконе в составе как женских, так и мужских личных имен. В «Инверсионном алфавите чувашских мужских языческих имен -1» Г.Е. Корнилова и А.А. Леонтьевой зафиксировано тысяча двести пятьдесят пять мужских имен с конечным *-ка* [Корнилов, Леонтьева 2002: 8-19]. Дается он и в списке «аффиксов-компонентов, образующих языческие мужские и женские имена: *Сверкка*, яз. и. ж. [Ашмарин 1936: XI, 327], *Шеврушка*, яз. и. м. [Ашмарин 1950: XVII, 294] и др.» «Словаря чувашских нехристианских личных имен» М.Р. Федотова [Федотов 1998: 21-22]. Встре-

чается и в чувашской нарицательной лексике, где суффикс «-ка (-ке, -кка, -кке) образует от именных и подражательных основ прилагательные с различным значением: *çавра* ‘круглый’ – *çаврака* то же; *вёлтёр* ‘подраж. – о быстром вращении’ – *вёлтёркке* ‘легкий’» [ЧРС 1985: 663]. Согласно М.Р. Федотову, «с помощью аффикса -ка/-ке образуются главным образом уменьшительные имена существительные: *çeç-ке* (~ башк. *сэскэ* ~ др.тюрк. *şeşäk* > чув. *чечек*) ‘цветок’»; «*пи-ке* (< др.-тюрк. **beg-kä* (Räsänen Morph., 100) ~ чаг. *бикэ* ‘незамужняя женщина’, тат., башк. *бикэ* ‘дама, госпожа’; *чымёр-кка* (< *чымёр* ‘кулак; шар’) ‘кругленький’; *мантёр-кка* (< *мантёр* ‘толстый’) ‘толстенький’ и т.д.» [Федотов 1996: 310-311].

Нами предполагается, что чувашские антропонимы с -(к)ка/-(к)ке могли появиться в результате: 1) заимствования русских деминутивов с суффиксом -к-: *Ванька, Санька, Танька* и др.; 2) присоединения на чувашской почве заимствованного из русского суффикса -к-, так как имена с суффиксом -к- были широко распространены среди простого русского населения. С.И.Зинин пишет: «Анализ переписных списков городов России XVII века показывает, что личные имена с суффиксом -к- встречаются везде» [Зинин 1972: 122]. «Для большинства населения России несколько столетий уничижительная форма с -ка была обязательной» [Никонов 1974: 19]; 3) присоединения чувашского суффикса -ка/-ке, образованного от древнетюркского -ка/-кэ, встречающегося, как было сказано выше, в нарицательной лексике и в дохристианских именах (см. выше). Благодаря контаминации русских просторечных форм с суффиксом -к-, типа: *Ванька, Сашка, Манька* и др., диалектных: *Ванькя, Петькя* и др. с дохристианскими именами, имеющими в составе чувашский суффикс -ка/-ке, -кка/-кке, данный суффикс получил широкое распространение в чувашском ономообразовании. Рассмотрим зафиксированные в наших примерах возможные имяобразования по первому словообразовательному типу. Присоединяется:

1) ко всей основе полного имени: *Антип* – *Ентипка* [Ашмарин 1929: III, 17], *Иван* – *Иванкка* [Ашмарин 1929: III, 288], *Максим* – *Макçаймка* [Ашмарин 1935: VIII, 175], *Роман* – *Раманкка* [Ашмарин 1936: X, 281] и др., всего 28 примеров;

2) к усеченной русской производящей основе полного имени, состоящей:

а) из первого закрытого слога: *Ан(дрей)* – *Енкка* [Ашмарин 1929: III, 7], *Кон(дратий)* – *Каькка* [Ашмарин 1934: VI, 70], *Пор(фирий)* – *Пуркки* [Ашмарин 1935: IX, 306] и открытого: *Ма(твей)* – *Макка* [Ашмарин 1935: VIII, 174], *Се(мён)* – *Сикка* [Ашмарин 1936: XI, 139]; с добавлением эпентезы: *Леонтий* – *Льавка, Льавкка* [Ашмарин 1935: VIII, 147];

б) из первых двух слогов: *Але(ксандр)* – *Елекке* [Ашмарин 1929: III, 10]; *Але(ксей)* – *Елекка* [Ашмарин 1929: III, 9]; *Констан(тин)* – *Кайстенкки* [Ашмарин 1934: VII, 193], *Кёстекки, Кёстенкке, Кёстенкки* [Ашмарин 1934: VII, 313], *Кстанкка* [Ашмарин 1934: VII, 334]; *Спири(дон)* – *Прикка*

[Ашмарин 1936: X, 272], при этом может сопровождаться усечением звуков в начальном слоге: в примерах, отражающих освоение имени *Константин*, утрачиваются *-н-* и в одном случае *-он-*, а в примере освоения имени *Спиридон* – *с-* и *-и-*;

в) из первых двух слогов с сокращенным до первого согласного звука вторым слогом: *Ал(ександр)* – *Елка* [Ашмарин 1929: III, 12], *Дан(ишл)* – *Тањкки* [Ашмарин 1936: XIII, 185]; *Дар(ия)* – *Таркка* [Ашмарин 1936: XIII, 223], *Кир(илл)* – *Кёркка* [Ашмарин 1934: VII, 291], *Киркка* [Ашмарин 1934: VI, 241] и др., всего 62 примера;

г) из последних двух слогов: *(Вла)димир* – *Темёркке* [Ашмарин 1937: XIV, 46], скорее всего в результате контаминации с дохристианскими именами;

д) только из одного, из второго, слога личного имени: *(Кон)стан(тин)* – *Ѕтенкки* [Ашмарин 1936: XIII, 119];

е) из первых трех слогов, при этом третий слог сокращается до первого согласного звука: *Арсен(ий)* – *Арҗинкка*, *Арҗинкки* [Ашмарин 1929: II, 72]; *Афан(асий)* – *Ахвањкка* [Ашмарин 1929: II, 200], *Ахвуњкка* [Ашмарин 1929: II, 201]; *Герас(им)* – *Караҗка*, *Караҗки* [Ашмарин 1934: VI, 91]; *Григор(ий)* – *Кёркуркка* [Ашмарин 1934: VII, 291], *Евдок(ия)* – *ОЃокка*, *УЃукка* [Ашмарин 1929: III, 336]; *Елен(а)* – *Йелинкка* [Ашмарин 1929: IV, 268] и др., всего 35 примеров;

ж) из первых четырех слогов, при этом четвертый слог сокращен до первого согласного звука, а первый – опущен: *(Е)катер(ина)* – *КяЃаркка* [Ашмарин 1934: VII, 204], *Кётеркке* [Ашмарин 1934: VII, 317] или же два первых опущены: *(Але)ксандр* – *Сантёркка* [Ашмарин 1936: XI, 47], *(Алек)сандра* – *Сантёркка* [Ашмарин 1936: XI, 47], последние примеры сопровождаются утратой звука *-к-* в начале слога и добавлением редуцированного звука *-я-* между согласными в целях упрощения стечения согласных.

По второму словообразовательному типу образуются следующие примеры: *Александр* > *Сан(я)* – *Сањкка* [Ашмарин 1936: XI, 47], *Александра* > *Сан(я)* – *Сањкка* [Ашмарин 1936: XI, 47]; *Анна* > *Ан(я)* – *Ањкка* [Ашмарин 1928: I, 252]; *Елена* > *Алён(а)* – *Аљункка* [Ашмарин 1928: I, 183], *Иван* > *Ван(я)* – *Вањкки* [Ашмарин 1930: V, 166], *Кузьма* > *Куз(я)* – *Куҗка*, *Куҗкка* [Ашмарин 1934: VII, 39]. Во всех перечисленных примерах не исключается заимствование аллонимов русских антропонимов с суффиксом *-к*.

Третий словообразовательный тип представлен несколькими моделями. Первая из них – это добавление к основе с суффиксом *-ок-/-ук-* (оценочное имя) суффикса *-ка*: *Александр* – *Ељок* > *Ељокка* [Ашмарин 1929: III, 15], *Андрей* – *Ёнтрук* > *Ёнтрукка* [Ашмарин 1929: IV, 127], *ЕнЃок* > *ЕнЃокка* [Ашмарин 1929: III, 19]; *Анисия* – *Уњук* > *Уњукка* [Ашмарин 1929: III, 248]; *Анна* – *Анук* > *Анукка* [Ашмарин 1928: I, 246], *Ањук* > *Ањукка* [Ашмарин 1928: I, 266] и др., всего 29 примеров. Данная последо-

вательность аффиксов могла появиться под влиянием русских просторечных и разговорных слов с суффиксами: *-уг(а): ворюга, зверюга* и др.; *-ук(а): сатанюка, грязюка, каменюка* и др., характеризующимися разговорностью, фамильярностью [Русская грамматика 1980: 217]. А.В. Суперанская среди суффиксов субъективной оценки, свойственных русским именам, называет и суффиксы *-ука, -юка: Люка (Лев), Алюка (Алевтина, Александра)* [Суперанская 1969: 137]. В статье В.Д. Бондалетова и Е.Ф. Данилиной в качестве редких пейоративных суффиксов, характерных для обиходно-разговорного языка города Пензы и других мест, приводится суффикс *-ок-а (Нинока, Сашока)* [Бондалетов, Данилина 1970: 197]. Наличие данных суффиксов в дохристианских женских именах: *Ернукка* [Ашмарин 1929: III, 31] и *Ернук* [Ашмарин 1929: III, 31]; *Мишукка* [Ашмарин 1935: VIII, 248] и *Мишук* [Ашмарин 1935: VIII, 248] и др. – видимо, объясняется уподоблением христианским именам с данной комбинацией суффиксов.

Вторая модель – основа производящего имени на *-ак- + -ка*. Отмечается в следующих примерах: *Александр – Алак > Алакка* [Ашмарин 1928: I, 182], *Евдоким – АлТак > АлТакка* [Ашмарин 1928: I, 187], *Мария – Марак > Маракка* [Ашмарин 1935: VIII, 198], *Серафима – Сирак > Сиракка* [Ашмарин 1937: XII, 169], *Тимофей – Тимак > Тимакка* [Ашмарин 1937: XIV, 80] и др.; всего 9 примеров; в примерах женских имен не исключается влияние чувашского нарицательного *акка* ‘сестра’, ср. *Мария – Маракка* [Ашмарин 1935: VIII, 198], возможно слияние слов *Мари акка* ‘тетя Мари’. Как и при использовании суффиксов *-ок-/-ук- + -ка*, не исключается влияние русских просторечных слов с суффиксами *-аг(а): молодчага, парняга* и др.; *-ак(а): чертяка, коняка* и др. [Русская грамматика 1980, 217]. По данной модели образуются и антропонимы. А.В.Суперанская относит к редким личным именам параллельные формы на *-ак(-як)* и на *-ака(-яка): Кузяк (Кузьма), Тимак (Тимофей), Хоняка (Афанасий), Володяка (Владимир)* [Суперанская 1969: 139]. Этому же мнения придерживаются В.Д. Бондалетов и Е.Ф.Данилина, они тоже относят русский суффикс *-ак(а)* к редким пейоративным: *Генака, Саняка* [Бондалетов, Данилина 1970: 197]. Если в русском языке при помощи суффикса *-ак(а)* образуются только мужские имена, то в чувашском – и мужские, и женские, как видно из примеров.

Третья модель – основа производящего имени на *-ик- + -ка*. Регистрируется в примерах: *Данишл – Таник > Таникка* [Ашмарин 1936: XIII, 296], *Арсений – Арсик > Арсикки* [Ашмарин 1929: II, 72].

Одним примером представлены модели – основа производящего имени на *-як- + -ка: Анна – Аняк > Анякка* [Ашмарин 1928: I, 246] и основа производящего имени на *-еҫ + -ке: Илья – Илеҫ > Илеҫке* [Ашмарин 1929: III, 105].

Приведенные по третьему словообразовательному типу примеры можно рассматривать и как одновременное присоединение нескольких суффиксов к русской усеченной основе: *-ок-/-ук- + -ка, -ак- + -ка, -ик- +*

-ка, -ӓк- + -ка, -еҫ- + -ке. В составе многих чувашских слов, как и во всех агглютинативных языках, часто наблюдается наличие нескольких суффиксов, которые присоединяются к корню или основе; если несколько суффиксов, то следуют друг за другом, но не сливаются ни с корнем, ни с другими суффиксами, и их границы отчетливы.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кёнеки: в 17 вып. Вып. I. XVII. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928-1950.
2. Бондалетов В.Д., Данилина Е.Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. С.194-200.
3. Зинин С.И. Введение в русскую антропонимику: пособие для студентов-заочников. – Ташкент, 1972. 276 с.
4. Корнилов Г.Е., Леонтьева А.А. Инверсионный словарь мужских языческих имен -1. Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2002. 100 с.
5. Никонов В.А. Имя и общество. – М.: Наука, 1974. 278 с.
6. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 208 с.
7. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
8. Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. 460 с.
9. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1998. 148 с.
10. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. – М.: Русский язык, 1985. 712 с.

И.С. Стаханова

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

МЕСТО ПРОЗВИЩ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОМ СУБПОЛЕ

Известно, что в настоящее время достаточно хорошо изучены и описаны в специальных словарях личные имена и фамилии людей, но практически не охарактеризованы и мало исследованы прозвища. Считаем, что при определении статуса данных ономастических единиц необходимо обратиться к активно употребляющемуся в современной лингвистике понятию ономастического поля.

Как отмечает В.И.Супрун, ономастическое поле является реально выделяемой языковой структурой, обладающей такими характеристиками, которые едины для всей совокупности входящих в него единиц и отдельно